

Маргарита ГОЛУБЕВА

Маргарита Голубева родилась и живет в Москве. Заканчивает историко-филологический факультет РГГУ. Публиковалась в журнале «Волга».

ВЕСНА БОЛЬШАЯ

В моём аду котлы немыты
и наказания забыты,
и демоны упразднены.
Там Пасха. Апогей весны.

Лучи над ржавыми штырями,
заброшенными пустырями,
от бывших огненных болот
до патины печных ворот.

Там кто-то, верно, плачет. Птица,
решившая в жерло спуститься,
бесплотной тронет белизной
его чело: «Лети за мной».

А инвентарь весь этот страшный —
не более чем день вчерашний,
но и не менее того.
Нет, не забыто ничего —

откуда эти пепелища
и рвы, где ныне ветер свищет,
воронки, пояса, круги.
Кто вылез — ближним помоги.

Врачуя, узы разрешая,
воротится весна большая —
тебя согреет и меня
в апреле на закате дня.

1993

На время перемен приходится
рождения год,
за поколением ровесников
пришёл аборт.

На лапки и хребты нетвёрдые
расщеплены —
возможно, это наши лучшие
не рождены.

А кто живые-невредимые,
кто плоть и кровь —
тех матери не больно слушали
подруг, свекровь.

В пустом родильном отделении
являсь на свет,
годами позже я заметила,
что прочих нет.

В пустых яслях рыдали призраки,
но всё равно
ни права голоса, ни имени
им не дано.

За тонкою стеной расплачется
сквозь свой покой,
кто в красной книге века значится
пустой строкой.

И в школьной клеточной отчётности
был недобор.
Безрыбье, словом, ощущается
и до сих пор.

Кто плотен, кто в тумане времени
растаял весь —
а мы (кто — «мы»? числом немногие)
остались здесь.

Мужчины как будто хотят умереть,
вот и не надо на это смотреть.
Женщина прав не имеет на смерть.

Женщина выпьет сухого горя.
Это ветра с Балтийского моря,
где смертно волнуется вольная воля.

В каменном вертограде холодном
я буду тёплым живым животным
ради жизни богоугодной.

Я дверь смогу за любым закрыть.
Ночью сяду крупу варить,
с мёртвыми женщинами говорить.

Был в день седьмой от сотворенья мира

ещё благоразумен человек.
Ещё он слышал, как идут светила.

Благоразумный Бах не свёл с ума
меня, и сердца не разбил, что раньше
уже разбито. На дворе зима.
И с глаз долой – в совок метлой – осколки фальши.

Закрыв глаза, годами грежу я
Германией загробной – у столба
позорного – Саксонией сиротской.
Читать и ввек не поднимать бы лба.

Включаю фоном за работой ХТК,
собраться с духом как-то, попуститься.
Стустились снеговые облака.
Сомкнулись спазмом мокрые ресницы.

На райском облачке своём мычит Гленн Гульд,
великий исполнитель Баха,
немой, как немец. На земле метель.

Белым-бело – от рукава до взмаха.

молочная белеет вермишель
очередей глаза большие
снег детства первого за шиворот
с улыбкой глупой до ушей
езде завязочки пришей
и странных слов не переспрашивай
и варежкой растеряшиной
останься между малышей

*Оставь меня здесь.
И. К.*

Так странно время пролетело
для мошки в капле янтаря,
и бабье лето догорело
в тридцатых числах сентября.

В лучах развоплотилось солнце.
На десять страсть и мысль деля,
рассудок над душой смеётся,
и стынет тёплая земля.

Огромно было лето. – Мало,
короче всех времён в году!

Я счастлива. Я так устала.
Я просто дальше не пойду.